

Серебро и лёд

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Дарина Ян

18+

Дарина Ян
Серебро и лёд.

«Автор»

2026

Ян Д.

Серебро и лёд. / Д. Ян — «Автор», 2026

В ту ночь она выжила. Но стала ли она той, кем была раньше? Богатая наследница, элитная школа, идеальная жизнь — у Анастасии было всё. До декабря 2020 года. Ночь на шестнадцатилетие перевернула её мир. Нападение, укус и пробуждение в больнице с новыми чувствами и проклятием, которое нельзя отменить. Единственный, кто понимает её, — Павел. Загадочный парень, который знает о ней больше, чем говорит. Он помогает держать зверя под контролем, но чем ближе Настя к нему, тем сильнее сомневается: а правда ли он тот, за кого себя выдаёт? Полнолуние уже близко. И Насте предстоит выбрать: принять свою новую природу или бороться с ней до конца.

© Ян Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дарина Ян

Серебро и лёд.

Глава 1

Шестнадцать лет наступили тихо, без фанфар, без ощущения, что что-то сдвинулось. Я проснулась, и первые несколько секунд просто лежала, прислушиваясь к себе. Ждала чего-то. Не знаю, чего, какого-то внутреннего сигнала, что вот теперь иначе. Сигнала не было. Была только холодная комната, серое окно и будильник, который надо было выключить.

Я встала. Подошла к зеркалу по привычке, не потому, что хотела. Бледная кожа, тёмные круги под глазами. Я плохо спала последние недели, и это уже не новость. Волосы, которые я не успела нормально уложить перед сном, лезли во все стороны длинные, светлые, почти белые от природы. Я попыталась собрать их в хвост, пригладить хоть как-то. Резинка соскользнула, упала на пол, закатилась под кровать. Я сдалась. Оставила как есть: прямой пробор, волосы свободно на плечах. Голубые глаза смотрели на меня из зеркала с привычным выражением, немного отстранённо, немного устало. Чужое лицо в чужой день рождения.

В комнате было холодно. Батарея под окном чуть тёплая. Я натянула носки, свитер, но тепло не приходило: оно застряло где-то между рёбрами и не хотело выходить наружу.

За окном было темно. В декабре светает поздно, и семь утра выглядят как четыре ночи. Ветер гнал по стеклу сухую снежную крупу. Она шуршала, царапала, будто кто-то водил ногтем по самой стеклянной поверхности. Где-то внизу сигналила машина: один раз, другой, третий, и звук уходил в мороз, становился плоским и коротким.

Мама уехала раньше меня. Я слышала, как хлопнула входная дверь в половине седьмого. Папа был в Италии. На кухонном столе лежала открытка с его почерком, ровным, аккуратным, как подпись на деловом документе, и конверт. Бумага была плотная, дорогая, с тиснением. Я не стала считать, сколько там денежных купюр. Убрала в ящик рядом с прошлогодней открыткой. Традиция.

В школе пахло хвоей. Кто-то из младших притащил еловую ветку и поставил в вазу у гардероба. До Нового года оставалось ещё три недели, но декабрь в нашей школе начинался рано: мишура на перилах лестницы, снежинки из серебристой фольги на окнах, запах корицы из буфета. Всё это было красиво и немного ненастояще, словно как декорация к спектаклю, в котором я не знала своей роли. Я шла по коридору и смотрела под ноги. Это моя привычка - не занимать лишнего места. Держаться у стены, пропускать вперёд, не встречаться взглядом. Мне так проще. Меньше шансов, что кто-нибудь что-нибудь скажет, а я не найду, что ответить.

— Романенко!

Ника врзалась в меня раньше, чем я успела среагировать, обняла резко, крепко, почти сбив с ног. От неё пахло духами, что-то цветочное и слишком яркое для восьми утра, а длинные рыжие волосы щекотали мне щёку. Она отстранилась, держа меня за плечи, ярко-зелёные глаза прошли по мне быстро, цепко, сверху вниз. Бежево-розовый пуховик с меховым воротником, чёрные перчатки на руках. Даже в восемь утра она выглядела так, будто сейчас выйдет на обложку журнала, а не на первый урок геометрии.

— С днём рождения, — сказала она прямо в ухо.

— Доброе утро, — сказала я.

— Ты не спала.

— Спала.

— Настя.

— Мало, — признала я.

Ника вздохнула. Достала из кармана что-то маленькое, завернутое в папиросную бумагу, и сунула мне в ладонь.

— Это потом откроешь. Не здесь.

Я сжала пальцы. Свёрток был лёгким, почти невесомым.

— Спасибо.

— Не благодари. Кстати, я придумала, где будем отмечать.

— Ника.

— Дослушай сначала.

— Я уже знаю, что скажу «нет».

— А я уже знаю, что передумаешь.

Она взяла меня под руку и потащила по коридору. — Загородный дом твоего папы. Камин, лес, никаких чужих людей. Только мы.

Я остановилась. — Папа сказал не ездить. Там ремонт.

— Ремонт в декабре? Настя, твой папа просто не хочет, чтобы мы пачкали его любимые диваны.

— Через маму передал. Коротко, без объяснений - не ехать, и точка.

— Серьёзно - это когда звонит сам. А раз он в Италии и звонить не собирается, значит, ничего серьёзного.

Она снова потянула меня вперёд. — Тебе шестнадцать. Шестнадцать, Настя. Ты имеешь право хотя бы раз нормально отпраздновать. Не сидеть дома с открыткой от папы и конвертом, который ты даже не открыла, я же знаю.

Я промолчала. Она всегда знала, куда бить.

На первом уроке геометрии я сидела у окна и смотрела на доску, но думала о Тёме. Артём Романенко, мой брат. Ему сейчас должен быть двадцать один. Он пропал два года и три месяца назад, просто исчез однажды вечером, и больше никто его не видел. Полиция искала три месяца, потом закрыла дело.

Мама никогда не поднимала эту тему. Папа стал ещё больше пропадать в командировках. Только я до сих пор не умею делать вид, что его нет. В телефоне у меня лежало два голосовых. Оба от него. Первое, на пятидесятилетие, второе, на шестнадцатое, которое он прислал за несколько недель до того, как пропал.

Это была его фишка - поздравлять заранее, удивлять раньше срока. Первое я почти выучила наизусть: «Сестрёнка, с шестнадцатилетием тебя. Нет, подожди, тебе ещё пятнадцать. Ну и что. Я заранее. Ты у меня лучшая, слышишь? Лучшая на свете!» И смех в конце тихий, немного смущённый и звонкий одновременно. Второе я не могла слушать долго. Там он говорил почти то же самое, только голос был чуть тише, и в конце - пауза, которой раньше не было. Я иногда ставила то или другое просто так. Прикладывала телефон к уху, закрывала глаза и на несколько секунд всё было как раньше.

— Романенко. — Учитель смотрел на меня от доски. — Задача на слайде. Будь добра.

Я посмотрела на экран — там было что-то про треугольники. — Угол В равен сорока пяти градусам, — сказала я наугад.

Пауза.

— Правильно, — сказал учитель и отвернулся.

На перемене я открыла свёрток. Внутри была цепочка — тонкая, серебристая, с маленькой подвеской в форме полумесяца. Я повертела её в пальцах. Металл был холодным и гладким.

— Надевай, — сказала Ника, не отрываясь от телефона.

— Она красивая.

— Знаю. Я выбирала. — Она подняла взгляд. — Это чтобы ты помнила: тьма отступает. Всегда. Просто не сразу.

Я посмотрела на неё. Иногда Ника говорила вот так неожиданно и точно, и я не знала, куда деть эти слова. Она никогда не повторяла их, никогда не объясняла. Просто говорила — и смотрела в сторону, будто ничего не было.

— Спасибо.

— Сказала же — не благодари. Значит, едем вечером?

Я застегнула цепочку на шее. Прохладный металл коснулся ключицы.

— Едем, — сказала я.

Между уроками в коридоре стало шумно, все куда-то неслись, кто-то смеялся, хлопали двери. Несколько человек из класса притормозили рядом, бросали «с днём рождения» на ходу, почти не глядя на меня. Кто-то хлопнул по плечу. Кто-то крикнул через весь коридор. Я кивала, улыбалась, говорила дежурное «спасибо» и всё это ощущалось, будто день рождения у другой Насти.

Ника не отходила ни на шаг. Держала меня под руку, иногда отвечала за меня «спасибо, передам», когда я не успевала, и смотрела на всех так, будто проверяла, кто достоин моего внимания. Её рыжие волосы мелькали перед глазами, духи пахли слишком ярко, и от этого было чуть легче.

А потом в меня врезалась Алиса. Именно врезалась, вышла из-за угла, уткнулась носом мне в плечо, отскочила и покраснела так, что веснушки на щеках почти пропали.

— Прости, я не смотрела, — выдохнула она. — То есть, с днём рождения. То есть сначала прости, а потом с днём рождения. — Она сунула мне в руки маленькую открытку, явно подписанную заранее, аккуратным почерком, с ровными полями. — Вот.

— Спасибо, Алис, — сказала я, и это «спасибо» было первым за день, которое я и имела в виду.

— Пожалуйста. — Она уже собиралась уйти, вжав голову в плечи, как воробей в мороз.

— Маркелова.

Голос Ники прозвучал прямо над ухом — она всё это время стояла рядом, держа меня под локоть. Алиса остановилась. Развернулась медленно.

— Открытку из интернета распечатала или сама рисовала? — Ника смотрела на неё с лёгкой улыбкой, которая не означала ничего хорошего.

— Ника. — Я тронула её за локоть.

— Что? Просто интересуюсь.

— Сама, — тихо сказала Алиса. — Нарисовала сама. Ника секунду помолчала. Что-то в её лице дрогнуло, едва заметно, на долю секунды, и снова стало прежним.

— Ладно, — сказала она. — Иди уже.

Алиса пошла. Быстро, почти бегом. Я посмотрела на открытку. На обложке был нарисован полумесяц — тонкий, карандашный, с маленькой звездой рядом. Я покосилась на свою цепочку. Потом на Нику.

— Ты невыносима, — сказала я.

— Знаю, — согласилась она и забрала у меня открытку, чтобы рассмотреть. — Неплохо рисует, кстати.

К шести часам школьный коридор опустел. Мы с Никой стояли у выхода, и она писала что-то в телефоне, собирала тех самых своих, которых обещала позвать. Снег за стеклянными дверями стал гуще. Фонари уже горели - ранние, декабрьские, оранжевые пятна в серой темноте. Я держала в пальцах подвеску. Полумесяц. Тонкий, как ноготь. Тьма отступает. Всегда. Просто не сразу. Я не очень в это верила, но цепочку не сняла.

— Всё, — сказала Ника, убирая телефон. — Едем впятёрку. Ты, я, Никита, Дима и Катя. Машину ведёт Никита, у него джип.

— Ты сказала — только свои.

— Они и есть свои.

— Ника.

— Настя. — Она посмотрела на меня прямо, без обычной усмешки. — Тебе нужно выбраться из головы хотя бы на одну ночь. Просто выбраться. Камин, лес, никого лишнего. Ты заслуживаешь этого, даже если сама так не думаешь.

Я смотрела на неё. Потом, на снег за стеклянными дверями. Он валил густо, лениво, засыпал фонари так, что свет становился мягким и размытым. Лес был в двух часах езды. Тёмный, декабрьский, с запахом смолы и мёрзлой земли.

Папа сказал не ехать. Но папы не было рядом уже очень давно.

— Хорошо, — сказала я.

Ника ничего не ответила. Просто кивнула — коротко, как будто знала заранее, и толкнула дверь. В лицо ударил холод, острый и сухой, с привкусом снега и выхлопов. Я подняла воротник и шагнула следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.